

Андрей Фролов Сибирская быль

Городская фэнтези –

<http://www.all-ebooks.com>

«Городская фэнтези-2010»: Эксмо; М.; 2010

ISBN 978-5-699-39844-7

Аннотация

В Новосибирск, после развода родителей, приезжают Максим и Светлана. Ведут обычный образ жизни современной молодежи: гуляют, встречаются с друзьями и бывшими одноклассниками, заводят новые знакомства. Вот только в городе после их появления начинают твориться странные вещи...

Андрей Фролов Сибирская быль

Трем женищинам

Нет еще на свете науки, изучившей любовь. И нет еще человека, который бы точно сказал, что это такое. А если и появится такой «ученый», то будет он проклят человечеством за осквернение самого чистого и прекрасного чувства, на которое способен человек...

Одна из них

Бывает так, что очень часто не замечаешь очевидных и вполне простых вещей. А иногда просто ошибаешься, принимая одно за другое. Например, добро и зло, свет и тьма — материи настолько труднопонимаемые и настолько же не объяснимые словами человеческого лексикона, его категориями. Но люди зачастую вовсе не замечают тонкой грани меж ними, а то и вообще путают между собой, искренне полагая, что знают истину и имеют право судить.

Говоря так, я, конечно, в ваших глазах сейчас претендую на некоторую объективность... всезнание, что ли, но... если будет угодно или есть особое желание — осудите меня. Спорить ни с кем не собираюсь, незачем. Просто полагаю, что видел немало, а от этого и понимать кое-чего научиться несложно. Только бы голову иметь...

История, которую я хочу вам рассказать, возможно, как раз о таких людях. Вроде бы и неглупые, вроде бы и не дети, вроде в жизни разбираются, а на тебе... Хотя тут судить, конечно, не мне. Я просто продам за то, за что купил.

Слушать и рассказывать — моя жизнь: хлебом меня не кормите, а дайте потрепать языком. Хотя если вы за это еще и кусок хлеба дадите, счастьем моему человеческому предела просто не будет.

При этом хочу предупредить, что искренне верю в хорошие финалы, в добрых фей и непобедимых героев, спасающих народы. Поэтому, если я буду улыбаться чаще, чем это нравится вам, прошу, не держите на меня обиды. Я часто улыбаюсь. Что бы ни произошло. Я так привык. Хоть часто и говорю невеселые вещи.

Давайте лучше я сяду к вам другим боком, тогда почти не будет видно недостающего зуба. Это бывает. Когда поживешь на этой земле и кое-что узнаешь о ней, рано или поздно, в детстве или в старости, ты нет-нет да и потеряешь пару белоснежных зубов. Но это я немного отвлекся...

В общем, нам с вами спешить некуда. Если хотите, можете передвинуться вот сюда, на солнце. Тут чисто, поверьте, я сижу на этом месте каждый божий день. Вот уже много лет.

Сказать честно, мне чертовски приятно, что вы уделите мне минутку, это под силу далеко не каждому. Класс людей, к которым имеет честь принадлежать ваш покорный слуга, по ряду определенных причин не особо почитаем в народе. Хотя, если разобраться, жизнь на улице имеет свои неоспоримые преимущества перед... Что? Ах да, простите, перехожу к сути.

Одно я вам скажу точно — то, что вы услышите от меня, вы никогда не сможете... постигнуть самостоятельно. Если только не захотите в один прекрасный день стать бродяжкой. Кстати, я еще не рассказывал вам о том, как это произошло? Женщина, которую я всю свою жизнь считал своей матерью... хотя это на самом деле немного другая история. Просто я хотел сказать, что годы, прожитые под открытым небом, заставляют много думать. Замечать разные вещи, на которые у вас попросту нет времени, и думать.

Но одно я вам скажу точно: истина все равно непостижима, как поиск этой тонкой черточки, отделяющей добро от зла.

История, о которой я вам хочу поведать, произошла прямо здесь, на новосибирском Шлюзе, — хотя скажу вам откровенно, подобное вполне могло случиться в любом уголке мира, хоть на Камчатке, хоть в Латинской Америке. Да, кстати, я разве не говорил вам, что мои родители несколько лет прожили в Аргентине? Это было нелегкое время. Хотя то, что происходит сейчас, особо легким тоже не назовешь...

Еще одно я вам могу сказать точно: мне нравится жить прямо у моря. Жизнь словно волна — зимой замерзает, летом плещется легко и свободно. Лови рыбу, купайся. Если повезет, некоторое время проживешь у какой-нибудь... ну, в общем... Да и приработки стороной не обходят. Только на месте сидеть нельзя. А еще нужно побольше улыбаться. Примерно как я.

День только и состоит что из поиска пищи, отдыха, бесконечного загара, превращающего тела в бронзовые статуэтки, да наблюдения за людьми. Они спешат, бегут по своим делам, занятые и сосредоточенные, брезгливо обходят меня стороной, изредка

одарив монеткой или, что чаще, проклятием сквозь плотно сжатые зубы. Но при этом рассказывают мне много больше, чем если бы я был их исповедником. Даже молча, занимаясь своими делами и совершенно не думая обо мне, люди рассказывают очень и очень многое. Гораздо большее, чем им хотелось бы поведать. Нужно только уметь наблюдать.

Шлюз для меня — все: рай, реже ад. Родина, дом, убежище и место моего существования. Я не променяю его ни на город, ни на другую страну. Да, конечно, в Аргентине тоже можно загорать, но... Спорить не буду, здесь далеко не всегда так хорошо, как летом, а практически не тронутые человеком леса гудят комарами лишь коротким и жарким летом, а в остальное время насквозь пронизаны ветрами, но... Я все равно люблю это место — тихое и доброе, как персональный Эдем.

Иди на пляж, обирай чужие грядки, лови рыбу и помогай шпане мыть машины. Собирай бутылки и блаженно впечатывайся в покрывающий крыши девятиэтажек гудрон. А хочешь побыть с людьми на равных — дуй на нудистский пляж, падай пузом в песок и лениво поглядывай на резвящихся в волейбол обнаженных красоток. О какой Калифорнии вообще может идти речь?..

Нет, не подумайте, на этот раз я не отвлекся. В том-то и дело, что история, что вы великодушно согласились выслушать от столь странного и не очень толкового рассказчика, и заставила нас всех — и старых и малых, считающих новосибирский Шлюз самым тихим местом на земле, — призадуматься. А с тех пор как она произошла, люди начали нервно оглядываться друг на друга, почти не ходят по ночам в магазин и истерически вопят в ночи, заслышав шелест крыльев летучей мышки, которых у нас тут полным-полно.

То, что вы услышите, может на первый взгляд показаться выдумкой или просто побасенкой, что рассказывают бродяги, чтобы выпросить на очередной кусок хлеба. Но я вам так скажу — мне хлеб сейчас не очень-то и нужен, а если вы найдете способ разговорить любого живущего в районе шлюзового автобусного кольца, то поймете, что сказанное — не просто выдумки и сказки.

Я тысячу раз молил господу, чтобы так оно и оказалось, но откройте глаза, войдите в шепчущую толпу, и вы поймете меня...

— Как скоро?

— Почти, почти, родной, осталось совсем немного...

— Я сильно устал.

— Я знаю, родненький, потерпи, потерпи еще немного. — Она поднялась с пола и склонилась над его лицом, касаясь кожи прядью волос. — Я правда знаю, каково тебе, но прошу: потерпи еще чуть-чуть. Все уже готово, нам остается только дождаться...

— Я голоден. — Он почти встал, решительно обрывая уговоры, и отбросил ее волосы со своего лица.

— Еще не время. — Она мягко, но непреклонно надела на его плечо, заставляя снова откинуться на подушку, и прикоснулась к его щеке, нежно щекоча ее кончиками ногтей. — Я позабочусь о тебе, поверь, ты не останешься разочарован.

Он отвернулся, уворачиваясь от ладони, и прикрыл глаза. Слишком долго... Охватывая внутренности знакомым болезненным туманом, из глубины организма поднимался голод. Он сглотнул и облизнул пересохшие губы.

— Я умираю?

— Нет, родной, ты не умрешь...

Чувствуете, как похолодало? Так всегда происходит, стоит заговорить об этой истории. Да нет, что вы, не волнуйтесь... просто это так... устроено, что ли. Нет, все в порядке... Отчего же не стоит? Я так скажу — придет осень, и люди вообще пеплом эти события покроют. А потом еще и закопают. Для верности. А я, хе-хе, и вовсе до зимы могу не дотянуть.

А что? Всякое в этой жизни бывает... Так что вы слушайте, а потом другим расскажете.

Истории умирать не должны... Вы лучше вот сюда передвиньтесь, а то озябнете в тени совсем. Да это ничего, я отодвинусь. Вот так...

Началось все это не летом. Раньше немного. Солнышко еще только-только поглядывало сверху вниз на промерзших и усталых от зимы людей, лениво одаривая их редкими лучами, на каждом углу кричали про выборы, инаугурацию и войну, городом правил другой мэр. А снег вообще начихал на законы природы, равнодушно наблюдал за наступлением весны и совершенно не собирался таять.

Нелегкое время было, та весна. Много моих знакомых, ну вы понимаете, о ком я говорю, с гриппом слегли тогда и вообще не рассчитывали дотянуть до тепла. Шум этот поднялся, операции по поиску террористов среди бомжей, взрывы домов в других городах. Подвалы чистили, нашу братию гнали на улицу. Да, было нелегко. Хотя мы в этом тоже поучаствовали — нашли тут на Шлюзе одного торговца абрикосами, чучело волосатое... хотя об этом не могу рассказать — расписку взяли какую-то, грозились страшно... мол, чтоб людей не пугать. Ладно, в общем, жили помаленьку да лета ждали. Кормился я тем, что помогал за копейку снег с катеров и яхт сбрасывать, вот и не помер.

Убивают, грабят и насилюют везде. Наш Шлюз не исключение, вот только чужаков у нас тут меньше, да и только. Статистику никто не ведет — кому это надо? Ну, в этом месяце столько-то, а в этом столько-то... Но для своих, для знающих половину двора в лицо, произошедшее той весной — не просто цифры о числе умерших.

Вы, конечно, слышали о похоронах Вадима и Ирины. Кто на Шлюзе этого не слышал?

Красивая печальная сказка, коих патологоанатомы могут рассказать сотни. Они жили счастливо и умерли в один день. Молодые и красивые, словно уснувшие в своих гробах — так мне о них говорили. Скажу честно, ужасно жалею, что не был на похоронах. А народу, говорят, собралось... Все провожать пришли. Такие молодые не должны этот мир покидать — рано. Хотя я вам так скажу: жить в нем они тоже права не имели...

вон. Иногда даже бредит.

— И что, бывали откровения? — Хлопнула дверца холодильника, гость устроился на табурете, открывая бутылку пива.

— Нет. — Она едва заметно вздохнула, подставила стакан. — Обычный бред. Знаешь... — Их глаза на миг встретились. — Я уже начинаю задумываться, что мы можем опоздать.

— В самом крайнем случае придется поступить проще. — Он многозначительно посмотрел в окно, задумался на мгновение и поднес бутылку к губам. — Ты знаешь, а я, кажется, уже нашел...

— Да ты что?! — Она отставила нетронутое пиво, придвигаясь поближе и сжимая красивые пальцы в кулачки. — Так быстро? Ты можешь начать с нами...

— Это вряд ли... да и необходимости нет. Я, пожалуй, — он улыбнулся, еще раз посмотрев в окно, — сам.

— Да, наверное. — Она все-таки глотнула пива, проследив за его взглядом. — Но отпускать его сейчас нельзя — все испортит...

— Или умрет. — Пустая бутылка переместилась под стол.

— Я приму решение в самый последний момент.

— Ты молишься?

— Постоянно. Он глух к моим мольбам...

— Не отчаивайся и не теряй веру. Вам что-нибудь нужно? — Он поднялся со стула и по-хозяйски проинспектировал холодильник. — Ну, пиво, понятно, а еще?

Она задумалась, накручивая прядку волос на палец. Кивнула.

— Да, пожалуй. Заскочи на рынок, купи говядины пару килограммов. Посочнее...

— И ты, женщина, — он широко и дружелюбно оскалился, — будешь учить меня, как выбирать мясо?%

Она неопределенно повела плечами.

— Ладно, — он положил руку ей на плечо, — я пойду. Вечером или завтра увидимся,

привет от меня передавай.

Она кивнула и прикоснулась к его руке.

Да вы подождите, не ругайтесь, дослушайте. Помните, сколько версий ходило? Что ни человек — новая сплетня. И о самоубийстве говорили, и о несчастной любви, прямо Ромео и Джульетта. О покушении, о ритуальном убийстве, ну просто все собрали в кучу. А я вам так скажу: что произошло, чего не было, не суть — умерли они именно вместе, как жить хотели, и в этом их счастье.

Ну да, наверное, не с этого начать стоит. Про похороны да про смерть их печальную, поди, наслышаны, а то и сами там были, а вот правду мало кто знает, а кто знает — боится. Нет... хе-хе, мне нечего бояться, не беспокойтесь.

Со свадьбы их начнем, пожалуй. Ага, точно, оттуда. Где-то в начале марта, когда Вадик из армии вернулся.

Сам его видел, ей-богу. На Кольце с автобуса сошел, водиле рукой помахал, обернулся и замер. Красавец такой, парень видный — ну вылитый жених. Я его прямо и не узнал сначала. Чаше бывает, сгибает людей армия, чище чем зона, сушит и болезнями одаривает. А тут просто расцвел паренек, возмужал, в плечах раздался — статный, высокий, даже загорелый. У нас еще морозы вовсю, а он в одной ветровочке и кепке, кроссовки по снегу скользят. Его ветер прошибает, а он стоит и воздух нюхает, будто пес. Да улыбается.

Я вам так скажу: запросто люди такими не становятся, и семи пядей во лбу не нужно быть, чтобы огонек в груди парня не рассмотреть. Такой огонь и снега топит похлеще майского солнца.

Постоял он, огляделся да напрямик домой зашагал. Да не к себе, а сразу к Иришке. Люди смотрят, оглядываются, кто признает, кто просто улыбнется.

Ирина, говорят, как ему дверь открыла, так просто ему на руки и упала. Дождалась, стало быть. А ждала она его, прямо скажем, верно. Все им свадьбу пророчили, за глаза и в открытую сватали, любовь крепкую сразу видно, а время ее, любовь эту, только закрепило. Письма писали друг другу каждую неделю, Иришка места себе не находила, если почта задерживала. С подружками — только о нем, все фотографию при себе носила, прямо на сердце. На других парней даже не смотрела, а уж сколько их было-то...

Звонок надрывался до тех пор, пока где-то за деревянной перегородкой не щелкнула дверь и до боли знакомый голос не закричал:

— Иду, иду, чего трезвонить-то!

Вадим отпустил кнопку и отступил от двери, чувствуя, как ноги предательски подкашиваются, становятся ватными и чужими. Сердце ухнуло и замерло, подумывая, не разорваться ли. За дверью зашоркали тапочки, клацнул замок. Медленно, словно во сне, дверь поползла в сторону.

Вадим еще немного отступил вбок и увидел ее.

— Здравствуй, Ира...

Она так и замерла — прижав выпачканные мукой руки к фартуку, широко распахнув бездонные глаза — ошарашенная и незащищенная. Еще не веря себе, она судорожно втянула воздух, губы ее дрогнули, и она бросилась ему на грудь, уже не пытаясь скрыть слез.

— Вадик, миленький, любимый, вернулся!

Он шагнул навстречу, распахнул руки и укрыл любимого человечка от всего остального мира в своих объятиях. Ирина прижалась к его груди, ее пальцы все гладили Вадима — его волосы, плечи, спину, руки.

— Вадик, Вадик, любимый. — Ирина что-то бормотала, шептала, иногда всем телом содрогаясь от душивших ее слез. Вадим еще крепче обнял ее, поглаживая по волосам.

— Все хорошо, любовь моя. Ну не плачь, я вернулся, вернулся... к тебе пришел. Не плачь, солнышко. — Он осторожно разомкнул объятия и приподнял заплаканное лицо девушки за подбородок. К горлу подкатила противная предательская волна. — Все хорошо, — повторил Вадим и поцеловал Ирину в губы, долго, нежно, чувствуя соль катящихся по лицу слез.

— Я тебя так ждала... — Ира вновь опустила лицо, пряча его на широкой груди парня. Стараясь не испачкать лицо мукой, принялась вытирать глаза. — Любимый...

Обоим стало так спокойно и легко, и они замерли прямо посреди подъезда, прижавшись друг к другу, словно боялись — отпусти, и исчезнет. Холод, сквозняк — все наплевать. Жарче костра горела в тот миг в старом обшарпанном подъезде любовь двух молодых сердец.

— Ирка, чтоб тебя! Рыба подгорает! Марш на кухню!.. — Торопливые шаги, мама в дверях, тяжелое «ох!» и хватание за сердце, а после громогласное: — Гришка! Вадик вернулся! — И снова слезы.

Это от радости.

Ириша красавицей была, что уж тут говорить. Высокая, чернобровая, фигура — прямо оса, а сколько за ней парней увивалось, просто жуть. Ни на кого не смотрела и наговоров не слушала, своего ждала. Вот и дождалась.

Ну как Вадим вернулся, может, слышали, тут праздник был — хоть в город от шума уезжай. Родители-то молодых люди не бедные, работающие, копейки не зажимают. Устроили встречу, да и помолвку сразу под это дело. Вадька с пацанами половину массива споил в эти дни, гомонили и гуляли с утра до ночи. Идут прямо по улице всей бандой, хватя тебя за рукав — и «Ну-ка, пей, наш Вадик из армии пришел!». Да попробуй не выпить... Иришка на седьмом небе была, и, почти не сговариваясь, все начали готовиться к скорой свадьбе.

Хорошо было, радостно на них смотреть. По молу гуляли, и ни снег, ни ветер им счастья испортить не могли. Тепла не дождались — решили свадьбу прямо так играть...

— И что? Ни разу?

— Да ну тебя, дурака! — Иринка рассмеялась и игриво оттолкнула друга. — Собирает чушь всякую! Иди вон, если такой недоверчивый, людей поспрашивай.

Вадим засмеялся и притянул девушку к себе.

— Да ладно, чего там, я уже поспрашивал. — Он улыбнулся и наклонил голову, стараясь поймать ее губы.

Она увернулась, нахмурилась и в притворном гневе воскликнула:

— Ах, ты еще и следить за мной вздумал! Кольку, поди, своего посылал за мной приглядывать?!

— Ну и Кольку тоже. — Вадим все-таки поймал гибкий стан и притянул к себе, не переставая улыбаться.

Ирина обмякла, вся подалась навстречу и обвила его шею руками.

— Ах вот они тут чем занимаются!

Парочка вздрогнула, Вадим резко обернулся, но тут же снова притянул Ирину к себе, закрывая плечом.

— А уж это наше дело! Вот соберешься сам жениться, тогда и на тебя посмотрим! — Он неохотно выдернул из теплого кармана ладонь и протянул руку, забирая у подошедшего Николая открытую бутылку «Балтики». Наталья отпустила брата и, бесцеремонно отпихнув Вадима — «отвали, защитник», — протянула вторую бутылку Ире.

— И чего вас в такую погоду на мол потянуло, а? — Она сердито взглянула на парней, поправляя ворот куртки. — Сидели бы себе дома, в тепле, видик смотрели бы...

По расширяющейся глади канала лениво тащилась, оставляя за собой мутный пенный след, старая черная баржа. От воды веяло холодом и унынием.

— С тобой посмотришь! — Николай сделал глоток и поспешно спрятался за спины Вадима и Иры. — Весь вечер вместе с вами комментатор Наташка!

Все засмеялись, а Наталья угрожающе надвинулась на брата.

— Я, к вашему сведению и радости, сегодня вам докучать не буду...

Ребята переглянулись, недоверчиво ожидая продолжения, а Наталья намеренно неспешно приложила к своей бутылке, всем видом давая понять, что обладает Самым Главным Секретом На Свете.

Жалобно закричала озябшая чайка.

— Да ну?.. — осторожно произнес Вадим.

— И вообще, — Наталья заговорщически посмотрела на подругу, — я вас скоро оставлю...

— Свидание? — Николай вложил в это слово весь сарказм, на который был способен.

— А что, нельзя? Им вот можно...

Вадик рассмеялся, прижимая к себе Ирину. Ветер ударил в лицо, заставляя глаза слезиться.

— Нам родители разрешили, а тебе-то?

— А мне брат не родитель! И вообще, я сама решить могу, опекуны нашлись! Пейте тут свое пиво и, прости, Ир, яйца морозьте, а я пошла. — Резко развернувшись и даже не взглянув на брата, Наталья двинулась к разводному железнодорожному мосту через канал.

— Ну, вертихвостка! — Николай улыбнулся вслед сестре.

Тяжелые холодные волны лениво накатывались на бетонный берег. Словно их зеркальное отражение, по небу ползли такие же волны серых неопрятных облаков. Весной на самом деле едва пахло.

— Прямо ноябрь какой-то. — Ира поежилась, перекладывая бутылку и пряча замерзшую руку в карман. — Может, правда домой пойдем?

Любовь. Я, скажу честно, сколько прожил, а в вопросе этом разбираться так и не научился. Да и вообще хотел бы посмотреть на того молодца, кто подобное смог. Слышал однажды от одного человека, что любовь — это не когда вы смотрите друг на друга, хоть и неотрывно, а когда смотрите в одну сторону. Хорошие слова. Правильные.

Я сам тоже так думаю, а вот про Вадьку да Ирину сказать не возьмусь. Не мне судить, как у них было. А для молодых — это как болезнь: сам не знаешь что такое, но ощущаешь, чувствуешь нутром — попал в западню. Так вот.

Как к празднику покатилося, Ира все дела бросила, с любимым не виделась — все сидели они с Любкой да платье свадебное шили. Вадик чего только не придумывал, чтобы подглядеть, да отстояли девчонки секрет до самого последнего дня.

Что? Ах да, конечно, простите великодушно. Люба — это подруга лучшая Иришкина была еще с самой школы. Бывает, окончатся последние занятия, и нет дружбы, как не было, а у них все правильно было, по-настоящему. Крепко дружили, секреты доверяли. Жизнь друг другу устраивали.

Говорят, что именно Любаша Иру с Вадиком познакомила, в школе еще, на вечере каком-то. С того, видать, и началось. А Люба за подругу рада была больше, чем за себя.

— Любишь его?

— Ой, Любаха, слов нет!

— Ну, подруга, сейчас завидовать начну! Вот прямо сейчас.

Девушки рассмеялись.

Ира вдруг отложила ножницы, придвинула поближе табурет и замерла, положив подбородок на переплетенные руки. Люба улыбнулась, продевая в иглу очередную нитку и искоса поглядывая на подругу.

— Знаешь, Люб, это на самом деле любовь. — Та опустила руки, садясь напротив подруги. — Не так, как в школе там или в книгах, но настоящая. Сколько дневников, песенников исписано, стихов разных — как хотелось-то. И тут на тебе! Прямо захлестнуло!

— А не придумала? — Люба лукаво улыбнулась, но пальцы сами по себе ухватились за ворот платья.

— Не-е! — решительно возразила Ирина, даже привставая со стула. — Сколько раз себя спрашиваю — что это? Любовь? И сама себе отвечаю: да! Это ж не описать — пришло, и все. А что внутри творится, вовсе не выразить, когда его вижу, слышу, чувствую.

— А почему не по-школьному? Вдруг обманулась?

— Да ну тебя! — Ира толкнула по столу ножницы, сминая ткань складками. Отскочив,

по гладкой столешнице застучала пуговичка. — Это сильнее гораздо, полнее. Сердцем чую, а оно не обманет. Мой выбор, моя любовь! Сколько вопросов: а есть ли она вообще, любовь-то? А не перегорит ли? А я так считаю, у каждого она вот такая наступить может — когда любишь и навсегда! Вот у меня и наступило, теперь только другим желать можно. Тут даже вопросов никаких — сердце мое мне не совет...

— А он?

— Ой! Да ну тебя! Я прямо спугнуть боюсь. Все думаю — неужто я счастливая такая, что встречную любовь нашла? Что сама любима? И по-настоящему? Ой! — Ирина зажмурилась и вскинула руки, закрывая пальцами рот. — Любовь ведь — это как? Нельзя ее в одну дорожку, неправильно это. Пусть даже красиво, полно, по-правдашнему, но нельзя — больно слишком, нечестно... А у меня вот...

Она улыбнулась и открыла глаза. Люба сидела напротив, замороженно глядя на подругу.

— Не потеряй. — Люба как-то странно вздохнула и опустила глаза. — Если и вправду любовь, так ее временем, как вино, проверить надо. Так что храни и его любовь береги... Ох, завидую я тебе, подруга. — Быстрым движением Люба вытерла глаза.

— Ну ты чего? — Ирина приподнялась, ласково улыбаясь подруге. — Перестань... Все будет у тебя. Только в сказки да чудеса верить нужно. Все будет.

Она протянула руку и сжала ладонь Любы в своей.

Тут и свадьба апрельская подходит, день за днем, все уже в нетерпении. Ну, конечно, родители молодых пир отгрохали — не поскупились. У Ирочки квартира на первом этаже, возле арки, дом этот знаете — длинный, за кинотеатром... ну так вот, опять всем двором гуляли, и не один день. Ох, шумела свадьба, ох, звенела. А молодые — ну просто картину пиши, загляденье одно. Все за них рады были, вот вам крест, ни одного завистника или чего такого.

Неприятный, конечно, был момент один. И те, кому думать нечем, все именно на него велят. Да только дело-то совсем по-другому было, я вам так скажу. Не, врать не стану — связан этот случай был с дальнейшим, это точно, но вы уж мне поверьте — не так, как всем тогда казалось, это точно...

Повздорил на свадьбе жених со знакомым одним недавним, Максимом его звали. Ну, жених, понятно, выпимши, Максим, понятно, тоже. Мальчишник вспомнили, чуть до драки не дошло, гудели долго, потом умяли. Наташка, Максимова подруга, такой концерт устроила, так на Вадика накинулась, что разнимать пришлось. Ну и ушли оттуда Макс с Наташей, расстроились сильно.

Ну, следом на Вадика все и посыпалось — ты, мол, с Наташкой повздорил, на людях с ней ругался, Максима бить обещал, ты и виноват, кто ж еще?! Знали все, что вспыльчивый мужик был Вадька, да и не из слабых, вот все к нему и сходилось. Но я вам так скажу: нет в том вины его, наоборот скорее... А кому докажешь?

А еще я так считаю: если бы не Иришка, не отмыться бы Вадиду потом от наговоров, съели бы парня, точно говорю. Она одна верила и берегла. Но об этом позже...

Ох, тяжело говорить, сам видел. Где уж тут не увидеть? Много ходишь — значит, много знаешь. Так вот, только отгуляла свадьба, через пару дней и нашли Наташку.

Люди еще пир вспоминали, снег подтаивать по-настоящему начал, как тут это. Убили Наташку. В лесу, по дороге на Академгородок. Ночью убили или поздним вечером. Кто скажет, с этого и началось, а я так сужу, раньше все началось, много раньше.

Дорога лесная известная и среди молодежи страсть как популярна. Тихие тропы, лес, воздух, да и спокойно, в общем. А как, скажи, еще до дому среди ночи добратся, с дискотеки там или от друзей? А тут тропы знакомые, хоженные. На машину денег нет, автобусы — халтурщики, вообще в половину одиннадцатого ходить перестают, вот и остается идти пешком. Да я и сам сколько раз ходил, не вспомню, полчаса — и дома.

Да и, говорю вам, тихо было в лесу всегда...

— Он не поторопился?

— Нет, — сказала она, но в ее словах не было даже намека на уверенность.

Он почувствовал это, приподнялся на ложе и попытался поймать ее взгляд.

— Ты уверена?

Она торопливо отвернулась, повела плечами. Он вздохнул, опускаясь обратно на постель.

— Может быть, тогда и мне пора?...

Надежда, сквозившая в этих словах, была настолько перемешана с отчаянием, что она закусил губу.

— Нет, родной, тебе еще рано. — Она снова повернулась к нему, привычным жестом поправила подушку. — Еще немного, я уже начала действовать...

— Мне хуже...

— Мы делаем все, что в наших силах.

— Я знаю.

Порывы ветра раскачивали телевизионные антенны на крыше. Он тяжело вздохнул и перевел взгляд на окно.

Так вот и Наташа с Городка домой шла, к Максимке, должно быть, торопилась, глупенькая, а тут... Утром ее нашли, кровь на снегу далеко видно. Шум подняли сначала, а потом притихли, от людей скрывать стали.

Да, конечно, слухи ходили, что и говорить. Ага, зарезали ее, это так милиция официальный отчет составила. Дожили, когда на людей спихнуть легче, чем причину отыскать. Нет, за это с меня расписок не брал никто, вот и скажу.

Не резал ее никто, вот что. Но лучше бы резал. Рвали Наташку, и нещадно. Сам видел, как матерых ментов выворачивало, когда на место приехали. На пол-леса ее раскидало, потому и нашли быстро, а вот осталось от нее... мало. И знаете, как она умерла? Загрызли ее. Я уж знаю, сам следы видел, а когда собак милицейских привезли, те прямо взбесились. Зверь это был, точно. Сам слышал и видел, как менты за головы хватались, пока нас с Осипычем оттуда дубинками не попросили.

Собаки это были, целая стая. Менты на том и порешили, а это что значит? В районе действует стая бродячих псов. Для крючкотворов в форме просто беда. Отчет сляпали, место прибрали, а сами так дворы почистили, что с десятков породистых псин, чьи хозяева отвернулись шнурки завязать или газету купить, по клеткам загребли и хачикам на шашлыки и беляши продали. Думали, пронесет...

А я вам так скажу: только слепой, ребенок или полный дурак не отличит собачий след от волчьего. Сам видел, был я там после. Сравнил, потому что ментовские собачки потоптали рядом со следами этого гиганта.

Я видел волков. За последние годы так по Новосибирской области поносило, что и в охотничьи места попадал. И ночью видел, и днем. Жуткий зверь, и если кто скажет, что повыбили всех их из пригородов, можете посмеяться ему в лицо. Просто зверь этот прятаться умеет похлеще нашего брата. Волчий след был там, уж поверьте.

А менты все за собаками гонялись по дворам и заводам. А уж люди...

Максим как узнал об этом, так две недели пьяный ходил в стельку, слова сказать не мог. Ну, допросы, конечно, поиск свидетелей, да куда там... Мамка Наташина поседела вся, а отца в больницу свезли.

Ну и Вадик, конечно. Что там следы — только масло в огонь. Ох, как сложно правду найти в шуме. Накинулись все на Вадьку — ты, мол, с Наташкой вздорил, ругался, тебя она за своего ненаглядного грязью поливала. Именно ты ее со свадьбы спровадил, на нее у тебя зуб точен был.

Парня это подрубило, если бы не жена молодая — увял бы вовсе. Даже Колька и тот почти с ним разговаривать перестал, все молча по лесу шатался, словно заводной. А потом и

вовсе уехал — повез захворавших родителей в деревню. Тут-то Вадик и начал чахнуть. И даже милая Ира не по сердцу была, что могла, делала, но помочь была не в силах.

Ох, опять запаматовал, извиняйте. Николай, друг Вадькин, он же брат Наташкин, что ж я не сказал?.. Любил он сестренку, заботился о ней, а тут вот это. Слухам он, конечно, не верил, Вадик все-таки друг лучший с самого раннего детства, родители дружны всегда были, и даже Максима-то, в общем, вдвоем лупить хотели. Но стал Вадика стороной обходить да почти звонить бросил.

А Вадик? Нелегко ему тогда было, я так скажу. Да и словно камень в их с Ирой колесо влетел. Жили они у Иришкиных родителей, да вот только жильем это нормальным назвать сложно стало. Те, кто на Вадима косо глядеть не начал, дружно вздыхали и разводили руками — что поделать, ничего, прорвется молодая семья, окрепнет.

А как все поуспокоилось, Ирина устала. Разлады у них с мужем мелкие да неприятные начались. Стала Ира все больше у подруг пропадать, а Любаха и вовсе сквозь Вадима смотрела. Вот так, стало быть.

— Ты уверена, что все в порядке?

— Ты задаешь этот вопрос уже десятый раз! Ты вообще расслабиться можешь, твою мать?! Еще пойди пива возьми! — Она нервно взмахнула руками, едва не рассыпав стопку лежавших на столе книг.

— Ладно, ладно. — Он примирительно поднял ладони.

Вышел из комнаты, а она поднялась с дивана и замерла у окна. На кухне хлопнул холодильник, звякнула по полу пивная крышечка. Шаги за спиной.

— Ну, прости, больше не буду...

— Кому-кому, а это тебе волноваться нужно — я говорила, подожди еще недельку?! — Она тряхнула головой, отбрасывая прядку. — Чего полез? Невтерпеж?!

— Ну, знаешь! — почти обиженно протянул он. — Есть вещи, которые от меня не шибко-то зависят...

За ее спиной забулькало пиво. Он отставил полупустую бутылку на край стола и вплотную приблизился, обнимая за талию.

— Ему хоть полегчало?

Ответом был едва слышный вздох.

— Наверное, да... Собака, говорит. Ну, это тоже ничего... — Она покосилась на прикрытую дверь. — Тебе привет, кстати.

— Угу... — Он зарылся лицом в ее шикарные волосы.

Ладонь скользнула выше, бережно сжимая левую грудь.

Она прикрыла глаза, откинулась назад, но, вовремя подавив вздох, убрала его руку.

— Я не хочу сейчас... Приходи вечером, ладно?

Он недовольно и очень печально вздохнул прямо ей в ушко.

— Мучаешь меня?

— Не тебя, — в ее голосе зазвенел смех, — не тебя, Максим...

Время, как говорится, лечит. Вот и наши молодые помаленьку начали выздоравливать.

Наташина смерть забывалась всеми, кроме Максима и Николая, живым оставалось живое, а тем, кто не с нами, — то, что за гранью. Я думаю иногда: выйди все иначе, и всем было бы хорошо, но время не повернуть, а предначертанному суждено свершиться. Так вот и случилось. Вы можете сколь угодно обвинять судьбу, злой рок или бога, но иногда достаточно взглянуть себе под ноги, чтобы понять, что где-то свернул не на ту тропку, и вот плутаешь теперь, без выхода, а в собственных бедах виновен сам.

Иринка отошла, словно с талым снегом утекала ее печаль и усталость, стала еще краше и привлекательнее, родители заулыбались вослед и зашептали по углам, что скоро придет пора покупать игрушки да коляски. Вадим устраивался работать, примерялся, пробовал

силы. Вот только с Ириной у них все как-то было прохладно.

Так они и жили — Вадик впустую терзался, вновь пытаясь отыскать лазейку к сердцу любимой, внезапно ставшему таким далеким, а Ирина затворничала с подругами, ни надень не разлучаясь со Светланой и Любой.

Люба вздрогнула и открыла глаза. Разогнавшее ее дрему прикосновение не прекратилось, а нежная узкая ладонь продолжала скользить по ноге, все выше и выше. Она потянулась, изгибаясь на прохладном линолеуме, и приподняла голову.

Светлана, избавившись от последней одежды, сидела в ее ногах.

— Я задремала?

— Да, немного... — Света улыбнулась, придвигаясь ближе. Бе ладонь достигла бедра. — Отдохнула?

— В общем, да. — Люба улыбнулась в ответ, слегка раздвигая ноги.

Глаза Светланы приблизились, и, как всегда в этот момент, нечто непреодолимое ударило в голову, закружило и унесло, заставляя раствориться, радоваться и беспрекословно подчиняться этой безумной и мучительной ласке.

Снова зазвучала музыка, свет померк, но предметы стали различаться невероятно четко. Люба вдохнула полной грудью, помогая Светлане снять с себя шелковый халатик.

— Я слегка озябла... — Слова слетали с губ лениво, словно увядшие лепестки, тело стало очень легким, а разум прояснился до чистоты январского льда.

— Сейчас согреешься, — прошептала Света, и в этом шепоте прозвучало обещание всех ласк мира. Тесно прижавшись к телу девушки и не останавливая руку, она наклонилась к самому ее уху. — Когда?

— Ск... скоро, — голова Любы запрокинулась, — бук... ох, мамочки... буквально завтра...

— Ты просто умница.

— О! — Взгляд Любы внезапно остановился на чернеющем у окна ложе. — Как он?

— Плохо, — Светлана даже на мгновение остановилась, — но скоро все будет хорошо...

Люба кивнула в ответ, закрыла глаза и обвила шею подруги руками.

Любовь... Глазу человеческому она незрима, но посмотрите сами — нет ничего более заметного людям, как слияние Двух сердец. Так ведь? Это сразу заметно, без домыслов и догадок, только в глаза человеку посмотри.

Так же четко и другое видно — грань, тонкая и незримая, что некогда любящие сердца, словно ножом, отполосовывает друг от дружки. Я вам так скажу: у любви нет объяснения. Она от бога людям дана и, как многое божественное, не шибко-то смертными разумеется. А вот причины конца ее — то совсем земное, приземленное. Это среди нас, человечков, я бы сказал, греховное. Данный свыше дар меж пальцев проскальзывает, и уж этому-то причину отыскать завсегда можно. Только нужно со стороны смотреть, а то, не ровен час, в дрызгах, обвинениях и скандалах погрязнуть можно...

Я не судья людям, я только наблюдаю за ними. Вот и наших молодых судить не возьмусь, чего уж там. Только я вам так скажу — говорят, будто любовь разбивается о суровые реалии быта... Тьфу! Чушь все это. Бред сивой кобылы. Просто те, кто поглубже в суть вникнуть не желают, все к очень простому знаменателю сводят. А я думаю, что ежели так размышлять, то и обезьяну человеком окрестить можно. А что? Проще простого.

Зря на быт наговаривают, не заслужил он того. В людях причины кроются. Или в не людях. Всегда так было...

Девчонки собирались у Светланы, в соседнем доме. Двухкомнатная квартира на последнем, девятом этаже, оставленная родителями Светы своим детям перед отлетом за рубеж, на много весенних дней стала их приютом. Тайны, откровения, бесконечные чаепития и гадания на кофейной гуще — так бы увидели картину те, кто поленился или не захотел бы подойти поближе...

Прошло несколько секунд, защелкал замок, и дверь приоткрылась. На пороге показалась Светлана, как всегда — прозрачный халат, под ним ничего. Мутными, затуманенными глазами она всматривалась в полумрак подъезда.

— Привет, Светик.

— Ой, Иришка! — Светлана отступила на шаг, пропуская девушку в квартиру. — Вовремя.

— Люба тут уже?

— А где ж еще? — Светлана заразительно засмеялась и прикрыла за гостьей дверь.

Взгляд Иры невольно скользнул по прекрасному телу, отлично различимому под прозрачной тканью. Что-то чужое, незнакомое ранее начало подниматься изнутри, и Ирина невольно оперлась о косяк, старательно отводя глаза. Никогда до этого не смотрела она так на своих обнаженных подруг. Это немного пугало, и, справившись с необъяснимым порывом, она принялась подбирать слова.

Точеный Светин пальчик лег на губы, запечатывая их лучше любого замка. Ира подняла взгляд и обмерла еще сильнее — Светлана стояла совсем близко, вплотную, почти прижимаясь к холодному плащу. А ее глаза... словно два солнца сверкали они сейчас, затмевая своим светом все вокруг. Она сама светила — прекрасная настолько, что больно было смотреть...

Второй рукой Светлана расстегнула ворот плаща. Пробираясь ладонью за пазуху, коснулась груди Иры, заставив ее тело вздрогнуть, словно от удара током, и притронулась к висевшему на шее украшению. Словно молния пробила Ирину, когда неведомая сила подняла ее над брэнной землей, бросая в руки подруги. Ее глаза заблестели, а рот приоткрылся. Падая в объятия Светы, она обвила ее руками, пытаясь найти губами ее губы.

— Ты будешь лучшей... — прошептала Светлана, заглядывая в глаза подруге и намеренно оттягивая поцелуй. — Самой лучшей... я знала...

Дверь в большую комнату приоткрылась, и в коридор ворвался сладкий запах воска. Ладонью прикрывая глаза от электрического света лампы, на пороге стояла Люба.

— И долго я буду вас ждать?..

Вы можете мне не верить, можете обвинить в том, что я наговариваю лишнего, но правды у меня не отнимет никто. Собираясь у Светланы, подружки не просто пили чай и сплетничали. И кое-кому это стало понятно.

Простите, что вы сказали? А, Светлана... Красивое имя, правда? А что, я разве об этом не рассказал? Вот осел, тысяча извинений...

Светлана. Светлая. Свет. Какие жестокие шутки с нами подчас играет жизнь, разочаровывая и обманывая в вещах, считаемых за очевидные. Девушка с таким именем светла, легка и невинна. Она словно фея, она прекрасная подруга, любящая жена, она источает тепло. Так?

Хе-хе. Я тоже так думал. Но бывает, что провалишься в грязь именно там, где сотню раз ходил по твердой земле.

Светлана приехала на Шлюз в конце зимы, незадолго до приезда Вадима. Поселилась в оставленной родителями квартире и сразу же нашла всех старых подруг. А до того, как в школе произвели разделение классов, ее хорошей и верной подругой была Люба. Потом они немного отдалились, затем отец Светы, профессор и солидный человек, улетел в страны Восточной Европы делиться опытом с братьями-славянами, забрав всю семью с собой. Тогда девчонки попрощались, думая, что навсегда. Но Светка вернулась и искренне улыбалась, слыша в трубке звенящий и захлебывающийся от радости голос старой подруги.

Они встретились, поделились сведениями о прошедших годах, в продолжение которых одна практически не выбиралась за пределы Новосибирска, а другая облазила Болгарию, Румынию, Польшу и Венгрию, и Люба познакомила Светлану с Ириной. Именно тогда Люба настояла, чтобы Света непременно пришла на их с Вадиком свадьбу.

Теперь уже ни для кого не секрет, что во время распития пары бутылок вина на девичнике перед свадьбой Вадим был оценен Светой на «все десять баллов». И еще я вам так скажу: она все, что произошло потом, знала заранее. А кто помудрее да постарше, как, во всяком случае, утверждают сейчас, это еще на свадьбе рассмотрели...

Ох, я дурень! Что ж я вам про свадьбу-то недорассказал, запомятовал... Совсем голову напекло. Забыл про свадьбу-то.

Видели, видели, старики говорят, как Светка тогда на молодых смотрела, ну да я им не больно-то верю. Задним умом все крепки, а теперь попробуй проверь. А что сам знаю, вам поведаю.

Говорил уже, Любка Светлану-то на свадьбу пригласила. Ирина обрадовалась тоже, с кавалером, говорит, приходи, ну та и пришла. Одна, правда, без ухажера, но там прямо на свадьбе мигом отыскались — умела кружить головы, чертовка. Ну и без брата, значит: тот, говорит, прихворал, просил поздравления передать, а меня отправил. Пришла, подарки заграничные жениху с невестой принесла, тем понравилось обоим, а Ирка так вообще потом целыми днями в Светином подарке ходила.

Села тихонько в уголочке, ела, пила да от ухажеров отбивалась, что от мух. Не шибко рьяно, надо сказать, отбивалась... А в мухи те кого только не налезло — от гостей до отца Ирки. А как тут не налезть! Светлана уж и нарядилась победнее, ну, чтоб с невестой не соперничать, и то... Волос черный, длиннющий, глаза что два костра. Вилку попросит передать, а ты уже готов ей в любви клясться. Видел я таких, и немало. И так скажу: дело они свое, нечистое, мужиками вертеть, отлично знают. Вот и Светка знала. И кой-чего еще сверху...

Вот люди как в жизни своей устроены? Свет и тьма, зло и добро. Просто все. Живи по-человечески, и то, что рядом, касаться тебя никогда не будет. Отступи в тень — споткнешься наверняка. В бога верь, солнцу радуйся и не позволяй бесам жизнь тебе портить. Сильным будь.

Сколько споров-разговоров, так ни к чему и не приведших, — светлая бог сила или нет? Конечно! Так и я думал... Ну да спорить с вами не буду. Я не церковник, чтобы теологические споры вести, хотя скажу так: свет — оно, конечно, издалека видно, доброта там, любовь. А вот про жертвоприношения там или конец света, когда мы все как бы с солнышком-то попрощаться должны будем, про это меньше говорят. Да и черти, стало быть, не все пакостят — сколько книг да мыслей было об этом. А мысль человеческая есть зеркало наверху происходящего. Или внизу.

Ну да не спорю я. Только так полагаю: прикажет мне бог сына своего в жертву ему принести, любовь чтобы доказать, так я подальше от такого бога держаться буду. А черти — так те вообще ничего делать не смеют без человеческого разрешения. Хитры, конечно, что сказать... но не делают. Так-то. Вот и смотри-всматривайся — где свет, а где потемнее.

Одно точно знаю: есть вещи, которые не то чтобы выше богов там или бесов стоят, а как бы рядом. Вот то же солнце! Есть оно, создателем сотворенное, и будет под ним одинаково жарко что пастуху, что сыну божьему, прости меня за богохульство.

И самая сильная из вещей таких — это любовь. Она подчас посильнее любого будет. Она же и все вопросы в мире ставит.

Вот, к примеру, любовь демонов. Он ее полюбил — да и прихлопнул пару сотен человечков, мешающих им вместе быть. Ну, лезут, бывает, колдунами себя считающие куда не след... Красиво. Он всем сердцем, он только ею дышит, хм... если они вообще дышат... А для прихлопнутых человечков сие не красота любви, а самое натуральное зло. Так вот и переплелось. Сколько предательств, обманов, войн и катастроф, что на небе, что на земле, что под ней. И все она! Ее проклинают, ненавидят, гонят прочь, но ею живут. Она губит людей, разрывает дружбу, толкает на самоубийства, но без нее никуда.

Она, сила эта, как воздух, как солнце. Не ниже, не выше — просто рядом. Кто-то создал — теперь существует, и все ею щедро пользуются. Вот случилось все так-то, а теперь пойдй разберись — кто прав, а кто нет, чья вина и кто предал. Всех равняет, никого не щадит, такие

каши заваривает... Уверен я — еще немного, и ген какой-нибудь найдут или молекулу вещества этого — любви. Но проще от этого не станет, я так скажу.

Я-то? А то! Конечно. Много раз... Я и сейчас люблю. Всем сердцем. Да, знаю. Про то, собственно, и говорю. Нищ, по-настоящему беден тот, кто этого не пережил, не ощутил, не впитал. А я, стало быть, просто сказочно богат.

На свадьбе той, когда все уже на грудь приняли достаточно, а кое-кто вообще уже ничего не хотел, по круговой здравницы начались, и до Светы дошли. Говори, мол, молодым от сердца. Вокруг веселье, шум, гам, вещи добрые говорят, желают всякого-разного, и тут вот Светлана встает. Все как языки проглотили — тишина упала, словно звук отключили. Ну, она и сказала.

Я не то что думаю, чтобы на свадьбах чего говорить нельзя было, просто странно это было слышать и не понял никто. Тогда.

А Светлана сказала: «Чтобы молодые в жизни своей, — говорит, — истину познали, и ничто им в этой жизни глаза не застилало, когда доведется с правдой встретиться. Она может и сладкой быть, и горькой оказаться, но силу дает огромную». Так вот сказала. А потом даже «горько» не кричали — все как пришибленные посидели, выпили, значит, поежились, да и дальше гулять давай. Мол, недалекая девчонка, ну и ладно.

А бабка Иришкина после невесту к стене приперла в коридоре, да и шипит: чтоб ноги этой ведьмы в твоём доме не было больше! Никогда! Ну, Ирка с ней, конечно, в спор, ты чего на девушку наговариваешь. Мать пришла, чуть до ругани не дошло. А бабка рукой махнула, перекрестила обеих да на следующий день после свадьбы обратно к себе в Болотное уехала, к деду. Так вот.

Что до этого, так Светлану в шутку или всерьёз не раз ведьмой называли. То мужики, что ей вслед слюни пускали, а то и бабульки у подъездов. Я-то? А что? Люди разные бывают... кто на этот свет вообще не совсем человеком придет, знания имеет, кровь нечистую да силу; кто по самой грани ходит, как вот только различить ее, грань-то? Кто-то сойдется с теми, что незримо близки и знакомы, а кто в тенек отойдет да не пожалеет души своей, чтобы кое-чего узнать да кое-чему обучиться... Оно ведь всяко бывает.

А бывает, что одну ведьмой всю жизнь кличут только за чернящие глаза, а другая в соседях твоих живет, но на самом деле колдовать умеет.

Колдовство? У, разное... Тут же не как в математике — формула, а за ней решение. Тут от многого зависит — всего и не перечислить. Просто, я так думаю, чем глубже в этом вязнешь, чем глубже постигаешь эту... хм, науку, тем больше умеешь. Это вам лучше не у меня — у бабок поспрашивать. Сейчас в этом деле знающих столько развелось! Хоть отбавляй, ага.

Ну, так на чем мы остановились-то? Вот, значит, и жили ребята после свадьбы, а Ирина с подругами все не дома, и так целыми днями. Вадика знакомый один в магазин пристроил, автозапчастями торговать. Парень целый день в этой камерке сидит, деньги пытается зарабатывать, вечером — домой бегом, а там нету его ненаглядной.

Ходил он целыми вечерами по дворам, выпивал иногда, и встречал жену свою уже к полуночи. Ну а как влюбленные встретятся, так тут уже не до ругани. Домой пойдут, и вроде все в порядке. А на завтра то же самое, значит... Так вот и не вязалось у них.

А, точно! Потом вот еще что было, много народу видело, меня не миновало. Долго потом говорили об этом, усмехались. Может, кто и понял, а большинство — ни-ни.

В кинотеатре это было, в «Маяке» нашем, он еще работал тогда. К слову сказать, хороший кинотеатр, недорогой, да и фильмы в нем тогда показывать хорошие, американские начали. Экран, конечно, старый, аппараты барахлят, ну там из щелей дует да кресла скрипят, а что такого? До ближайшего-то в Академ ехать надо, а там, я честно скажу, не шибко-то и лучше. Все одно — старье кинотеатры. А кому охота их в ремонт-то? Вот так. А сеансы стоят вообще копейки, сумку бутылок сдал, и вперед. Считаю, любому по карману. Хотя народу все равно не очень-то много. Видики нынче у всех, а в кино, особо в такое, редко кто пойдет...

— Слышь, малец, пойдй сюда! — Николай поманил мальчишку пальцем, нервно оглядываясь на широкие стеклянные двери.

Пацан подошел, лениво поглядывая по сторонам, и остановился в двух шагах, почесывая ухо под драной спортивной шапочкой.

— Ты Вадьку с того вот дома знаешь? — Николай махнул рукой.

Мальчишка нехотя обернулся, снова посмотрел на него и кивнул.

— Его кто ж не знает-то? — И улыбнулся, демонстрируя неполный ряд зубов.

— Тебя как звать-то самого?

— А ты чего, из милиции? — Пацан качнулся назад, и Николай торопливо замотал головой.

— Ладно, ладно! Не хочешь — не говори, не шибко-то и надо... Слушай, дело есть.

— Ну, говори, раз дело. — Мальчишка обратился в слух и принялся сосредоточенно ковырять пальцем в носу, рассеянно улыбаясь.

— На мороженое хочешь заработать? — Николай понизил голос.

— Ты чего, дядька, упал? — Мальчишка недоверчиво взглянул на него. — В такой дубак какое мороженое? Лучше на сигареты.

— Да хоть на водку... — Николай неловко выдернул из кармана мятый червонец. — Там, — он мотнул головой на кинотеатр, — где-то Вадик этот сидит. Ты сейчас туда пройдешь, Вадика дернешь, и все. Скажешь, Николай с ним поговорить хочет. Срочно. И пусть один выйдет, я тут ждать буду. Все понял?

Пацан кивнул и потянулся за деньгами.

— Раз плюнуть...

— Все понял? — переспросил Николай, отдергивая руку. Пацан скорчил гримасу и выразительно посмотрел ему в глаза. — Не перепутаешь? Ну, держи. Свалишь — после без задницы останешься, ясно?

Мальчишка еще раз кивнул, улыбнулся, ловко спрятал денежку и скользнул в кинотеатр.

Вот, значит. А что показывали тогда, не шибко-то и помню. Голливудское что-то, со стрельбой там, с музыкой хорошей.

Вот, значит, сеанс уже с полчаса идет, как к Вадик у с заднего ряда мальчонк подбирается. Осторожно так, чтобы Светка не услышала, толкает его в плечо и на ухо шепчет чего-то. Ну, Вадик обернулся, Светка, значит, тоже услышала. Поговорили они с пацаненком, Вадик ему что-то сказал, тот долго головой мотал, отнекивался. Потом пацан к выходу полез, а Вадим снова давай фильм смотреть. Светлана спрашивала чего-то, голос повышала, а он ее успокоил, к плечу прижал, ну она и примолкла.

Пацан этот, шустро так, через выход юркнул на улицу, ну и все вроде. А минут через десять в зал сам Николай зашел. Весь возбужденный такой, даже злой, а за ним мальчонка тот проскочил да на задних рядах затаился. Николай, прямо как вошел, так, даже не пригибаясь, к Вадик у направился.

Подошел, значит, и, даже не здороваясь, давай ругаться. И в полный голос. Ну, люди на них оборачиваться начали, шипеть. А Николаю все равно, он, говорят, немного выпивший был тогда — ни на кого внимания не обращал. Ты, говорит, слыхал, что тебе пацан передал? А чего ко мне не вышел? Ну и, значит, разговор у них есть. Люди крутом громче шипят, возмущаются. Вадик вроде друга уговорил потише быть, как тут Света: чего, мол, он приперся, мешает тут? Ну, Вадиму пришлось еще и ее успокаивать.

Вроде утихли, сели даже на кресла. Дальше говорили тише, почти не разобрать было. Но смысл понятен был. Николаю цепочка была Вадикова нужна. Вот вынь и отдай! На свидание он на какое-то собрался, и жизнь ему не мила будет, если не в этой цепи пойдет. Люди тут вообще как на сумасшедших оглядываться стали. Вадим в ступоре. Светка снова в крик. Гони его, говорит, что он еще себе позволяет? Люди опять на них шуметь. И так минут

на пятнадцать...

Тут Вадим и не выдержал. Вскочил в конце концов, рубаху расстегнул, да и рванул цепочку. Прямо с крестиком, как была, и бросил ее другу. Держи, говорит, чтобы мы еще с тобой из-за какой-то побрякушки ругались! Светка снова в крик: тряпка ты, кричит, если свое чужим раздаешь, словно попрошайкам! И бежать из кино. Вадька постоял среди них, как осел тот из басни, да за девкой ринулся. Колька цепь подобрал, чуть сам не плачет, посидел немного и следом поплелся.

— Дед, продай ружье!

Дедок недоверчиво покосился на гостя и неспешно почесал бороденку. Парень затаил дыхание, затравленными глазами глядя на старика через щель в двери.

— Если б я тебя, засранца, столько лет не знал — взащей бы выгнал, а не ружье... Почто оно тебе?

— Нужно очень, дед! Ну не людей же я убивать собираюсь! — Николай тяжело привалился к двери. Казалось — еще немного, и взорвется.

Но дед торопиться не собирался.

— Нужно очень... А ко мне потом из милиции придут, в тюрьму сажать станут. Что тогда?

— Скажешь, силой взял... Не знаю я! Не придут! Продай, нужно!

Николай готов был уже на колени упасть, как вдруг дед сдернул с крючка цепочку, распахнул дверь, развернулся и исчез в комнате.

— Не придут... Нужно ему... Того и гляди расплатится... — Похлопав дверками шкафов, он вернулся в коридор, неся завернутое в промасленную простыню оружие. — Тыщу гони.

Николай схватил ружье, словно любимую женщину прижал к груди. Левой рукой торопливо достал из кармана пачку смятых денег и вручил ее деду.

— Ну, выручил, ну, спасибо, отец...

— Да ладно, чего там, — дед быстро пересчитал деньги, — не скулил бы столько — фигу тебе, а не ружье... А мне-то оно и на самом деле боле не надобно.

— Слушай, Никифорыч, — Николай словно проснулся и, вздрогнув, снова обернулся к старику, — а патроны и этот... ну, набор такой, чтоб самому их делать? Пули там лить, гильзы засыпать?

Дед подозрительно посмотрел на Николая, вовсе не торопясь приносить патроны.

— На войну, что ль, собираешься? — Неожиданный покупатель шумно сглотнул. — Ох молодежь пошла... Еще пятьсот!

Николай полез в другой карман, выудил из него мятые деньги. Дед незаметно улыбнулся, поглаживая усы.

— Тут только четыреста, дед, извиняй... Пойми, нужно. После сочтемся, клянусь!

— Смотри, не пробожись. — Старик снова исчез в комнате. — Еще скажи, что на том свете угольками рассчитаешься... — Вернулся, неся в руках большой бумажный сверток. — На вот, только смотри, с порохом осторожнее. Пересыпешь хоть чуток — рванет...

— Спасибо, дед, ох, спасибо! — Николай осторожно забрал у старика сверток.

— На кого охотиться-то собрался, шалопай? Сезон-то уж, считай, вышел весь...

— На волка, дед.

А цепка, я вам так скажу, и правда видная была. Вадик как с армии пришел, так ему родители и подарили, чтоб к крестику подходила. Красивая, плетения хитрого, тяжелая, серебра высокой пробы. А тут вот так... С друзьями сложно иногда. Вот такие вот штуки бывают. Но на то они и нужны — и друзья, чтоб их творить, и штуки, чтоб этих друзей на прочность проверять.

А дальше совсем недоброе началось. Сейчас расскажу, так вы отсюда переедете еще. Нет? Хе-хе... Ну, ладно, путать не буду. Вы, поди, и сами слышали, а коли не верите — в

газетах посмотрите.

Дня через два в одном из канализационных люков труп нашли. Обгорелый. Мужчина, лет двадцати пяти. Его застрелили сначала, в живот выстрелили, а потом, значит, бензинчиком окатили и подожгли. А как догорел — в колодец запихали. А слесаря наши полезли туда, починять чего-то, и нашли.

Милицию, значит, вызвали. Собак тоже. Труп этот голый — документов никаких. Замерили все, сфотографировали да в лабораторию повезли — по зубам личность устанавливать. Но менты сразу поняли: не бензином его обливали, а какой-то кислотой — сам видал, как собаки от трупа как ошпаренные шарахались. Едкая, видать, штука была для псов. Так менты думали...

Начали свидетелей опрашивать да маньяков всяких искать. И что вы думаете? Приходит через пару часов в отделение девица одна, зареванная вся, словно из ведра облитая, и заявляет, что убитого знает. А еще знает, кто убил. Во как! И кто бы вы думали, эта девица была?

Так вот часто бывает. Сколько по жизни от людей ни бегай, так или иначе с одними и теми же приходится всю жизнь пересекаться. На небесах такие вещи рождаются, людей на всю жизнь объединяющие. Или под землей... Не знаю точно.

Проплакалась, значит, Светлана и говорит, что убитый этот — Максим, друг брата ее. Тот самый, которого со свадьбы погнали. Ушел, говорит, позавчера вечером и велел не ждать. А у нее прям сердце упало, отпускать не хотела, все держала, брата уговаривала не пускать. Но он пошел. И вот уже два дня ни весточки.

А ушел, стало быть, с парнем одним встретиться. Со знакомым недавним. С кем? Нет, не с Вадимом. С Николаем...

Ну, милиция наша на подъем быстрая — шмыг по машинам и к Кольке. Так вот и взяли его, значит, да в опорный пункт. А у парня свеженький перелом левой руки. Гипс там и все такое. Менты радостные, готов подозреваемый, значит. Светлана снова в слезы, лезет, глаза Николаю выцарапать хочет, словно кошка. А тот молчит только да руку больную придерживает, морщится.

Доставили его к следователю, поговорили: как, что, когда, что с рукой и далее по расписанию. А после обратно на квартиру к Кольке. С обыском. Там обрез-то и нашли.

Вот такие вещи, понимаешь, и творятся. Да только я так скажу: не всякий человек с оружием — зло. И не всякий убитый — мученик святой. Но оперу этого я рассказывать не собираюсь. Он и сам с головой.

Как ружье нашли, отпечатки проверили и еще шире заулыбались. Им ведь что, раскрытое дело — премии да звездочки на плечи. Отпечатки Колькины были, а сам он все отмалчивался, только губы от боли кривил. Его, значит, прямым ходом в лазарет, да не простой, а при СИЗО... Забрали Николая, а квартира их совсем пустая осталась — сначала Наташка, затем братишка ее. Вот так...

Мотив налицо был, орудие, все, в общем, как полагается. Они ведь ругались. А менты еще и до Вадика опять дознаваться стали. На этот раз, правда, недолго — чего там, и так все им, молодцам, ясно...

Как не рассказывал? Да не может быть! Ну, простите, опять промашка. Конечно, конечно...

До свадьбы это еще было... а, ну да, это рассказал. Ну вот, значит, перед самой свадьбой. Вадька-то все по уму хотел сделать, ну и мальчишник устроил. Собрались у Николая, он сестренку к подругам переночевать отправил, водочки закупили, пивка, петард разных, видеокассет. В общем, гулять собрались. Вадик кучу друзей позвал, одноклассников своих, пацанов соседских, детских друзей. Считаю, весь двор гулял, человек тридцать сбежалось, да и встречающих опять же поили не скупясь. Выпивали, смеялись, Вадика в полон провожали, значит. А шумели, шумели-то — весь массив слышал!

Ну вот, значит, в самый разгар вечеринки Наталья домой забежала — ненадолго, забрать чего-то. Мужики поутихли на время, фильм неприличный выключили, сильно

пьяных подальше унесли — устыдились, значит, буйства своего. Да Наталья-то не одна забежала. С Максимом, с другом новым.

А парни как узнали про то, знакомиться пошли, при этом пошатываясь. Ну и познакомились. Максим недавно на Шлюз перебрался: раньше, до развода родителей, в городе жил, а тут родители разбежались, значит, жилье разменяли, вот ему недорогая квартирка-то и получилась. Парень сам видный, красивый, молодой, умный. Спортсменом его хорошим все считали, как по двору пройдет — любо-дорого посмотреть, не на всякую девушку так залюбуешься — идет, словно пес бойцовский, каждой мышцей движется, а в лени той плавной сила проглядывает недюжинная. Ну, как это обычно бывает, девчонки такого парня не пропускают. Вот и Наталья не пропустила, в кафе встретились, а она еще и первая разговор завела, то да се, вот и встречаться начали.

Вот и пришли, значит, Максим с Натальей в самый разгар гулянки этой. Парни вышли, давай знакомиться. Выпить предлагают, шутят. Ну, Максим, пока Наталья чего надо искала, стопочку-то опрокинул, а дальше говорит — все, ему, мол, еще с девушкой гулять, напиваться сейчас не с руки. Парни поднапряглись. А там и началось. Николай с одной стороны давай допекать: ты чего это вообще, мол, с моей сестренкой гуляешь? Кто таков? Я ее, дескать, к подругам отпускал, а она по мужикам бегать?

Вадик с другого боку — в такой день, говорит, вообще о девчонках забыть надо, водку надо пить да радоваться. Так что ты, друг Максим, сейчас с нами оставайся да за мою свадьбу пей, а Наташку к подругам отправим. И без возражений.

Тут и Наталья появилась. Голоса повысили, тут и до хватаний за рукава недалеко. Сестра брата утихомиривает, Вадик к гостю задирается. Ну и, в общем, толкнул лишку да сболтнул сверху. И не то чтобы Максим его ударил... Просто завернул так ловко, прижал и утихомирил. Вроде даже без крови. А Николай как увидел — так и все. Взбрело что-то в пьяную голову — сестру оттолкнул и другу на выручку кинулся. Ну, в общем, и ему немного досталось. Крепкий Максимка парень был...

Покричали немного, соседи выглядывать давай, милицией грозят. Пьяненькие наши все угрожают, руками машут, а Максим Наталью обнял так, отвернул от всего этого и тихонечко увел. И никто ничего ему не сделал.

Вот милиция потом Вадима вместе с Николаем и прижала. Только тут Коля разговорился вроде, рассказал чего-то. Может, вину всю взял на себя или еще что... Только Вадика отпустили и не трогали больше. Тот домой, а сам словно на десять лет постарел. Да и голос вконец потерял. Что? А разве я не сказал?

Ну, это, в общем, не так важно. Да, пел Вадик отлично, ему только гитару дай, все затихают, слушают, а он поет — все красавицы его тут же. Голос у него был такой простой, неглубокий, в общем-то, только за душу тронуть умел, за самые струны, словно не на гитаре играл, а на нервах. Отличный голос был. А как вся эта кутерьма началась, так Вадим сдавать начал. Сначала срывался, фальшивил, потом глотку сорвал, потом струны рвать начал, аккорды забывать. А там и вовсе петь перестал, гитару свою друзьям отдал. А то пропью, говорит, еще ненароком.

Так вот, Вадик сразу к Светлане, ей плохо, ему тоже. Пили много тогда, Максима поминали... Что? А, Светлана... Тут-то, в общем, и сама история начинается. А вы как хотели? Самое из-за чего все...

Именно к Светлане пошел Вадик наш. Именно к ней, а вовсе не к жене своей. Как тут попроще рассказать?... А никак тут попроще не расскажешь. Такие истории, что камешек драгоценный — миллион граней, и в каждой правда. Только правда всякий раз своя и от другой отличается... Чтоб подобное понять, нужно изнутри взглянуть, прочувствовать. Не решаются такие вопросы с ходу, их осушить надо, как кувшин, а это не каждый умеет.

Со стороны-то что, легко. Название дал, оклеймил, разобрался вроде и дальше живи, а у людей это жизнью называется, а та вообще штука непростая...

Дверь открывалась медленно и, словно издеваясь, тихонечко поскрипывала. Не в силах

более сдерживать себя, Вадим рванул за ручку.

— Пришел? — Светлана была, как всегда, обнажена и насмешлива.

Скрестив на высокой белоснежной груди точеные ручки, она небрежно привалилась к косяку, искоса поглядывая на открывшуюся дверь. Вадим хотел было что-то сказать, открыл рот, вдохнул и — тяжело выдохнул, поникнув плечами. Так и остался стоять на пороге — плечи поникли, руки висят, на голове полный кошмар. В голове — тоже. Жалобно глядя на Свету, облизнул мигом пересохшие губы.

— Что такое? — Идеальная бровь лениво поползла вверх, и Светлана повернулась. — Голосок потерял?..

И вновь, как уже происходило много раз, ударило в грудь незримой упругой волной, заставляя сердце зайти в бешеной пляске. Снова упал Вадим в глаза ее и снова утонул — безвозвратно, насовсем.

— Богиня моя... — Шепот Вадима был едва различим, а ноги начали непроизвольно подгибаться.

За миг до того, как парень упал перед Светланой на колени, она отработанным движением коснулась его плеча, останавливая, и повернулась лицом к свету, кривя алые губы в легкой усмешке.

— Ну, прямо-таки богиня... — В ее голосе наконец послышалось снисхождение, и в этот миг Вадим пожелал только одного — быть навсегда, до самой смерти, поработанным этой безумно прекрасной, неземной дьяволицей, быть убитым ею, собирать пыль с чудной красоты ножек и никогда не возвращаться домой.

— Я... — Из глотки вылетали хрипы, и Вадим снова замолчал, еще ниже опустив плечи.

Не убирая от парня руки, Светлана удивленно спросила, широко распахнув глаза:

— Ну, что же ты встал, любимый? Иди ко мне, ведь ты так мечтаешь об этом... — По ее лицу вновь пробежала тень неразличимой улыбки, и она приняла упавшего ей на грудь Вадима в свои объятия.

Вадим закрыл глаза и умер, улетел, исчез, полностью растворившись в ощущениях тела, а любимый голос все шептал и шептал, унося его еще дальше:

— Любимый, сильный, красивый... Самый сильный, самый лучший! Ты уже на пути... ты почти готов. Ты будешь лучшим...

Внезапно Светлана чуть отстранила его от себя и едва не вздрогнула, увидев в глазах раба неподдельные слезы откровенной обиды. Наклонила голову, заставляя Вадима опустить взгляд, и левой рукой захлопнула дверь, правой медленно провела по своему атласному бедру.

— Что же мы тут стоим? Идем скорее в комнату...

Словно во сне, Вадим пошел на голос, на ходу скидывая одежду.

Позже, через несколько часов, когда рассеялся туман, а голова налилась неприятной тяжестью, когда тело постепенно вновь обрело чувствительность и начало слушаться, когда Светлана, уставшая и полусонная, калачиком свернулась рядом на полу, лениво поскребывая ногтем живот, только тогда Вадима, как это происходило все последнее время, коснулось прозрение — слабое и нереальное, как давно забытый сон.

Стыд, страх, боль и обида на самого себя. Что он тут делает? Как может он быть таким?! Светлана засыпала, и чары слабли, менялись образы, и вот уже перед внутренним взором Вадима опять улыбалась, чуть печально, красавица-жена. Невероятная, неземной силы любовь вновь наполняла парня, придавая ему силы и возвращая потерянную веру.

— Я полностью твой... — осторожно, стараясь не спугнуть дремоту любовницы, проговорил он.

Светлана пошевелилась и неразборчиво ответила. Подождав, Вадим вновь заговорил:

— Я слово сдержал, Свет, пора и тебе... Когда отпустишь?

Светлана перевернулась на спину и сонно запрокинула голову.

— Зачем она тебе, глупенький?
— Знаешь зачем, — осторожно ответил Вадим, — люблю я ее. Больше жизни...
— Знаю, — она тихонько засмеялась, любуясь своими ногтями в свете свечи, — а как же я?

— Ты другое — сама знаешь.
— Знаю, — из ее голоса так и не пропал смех, — только незачем тебе она... А раз так — пусть идет, не нужна больше...

Вадим едва не вскочил, стараясь ничем не выдать себя. Осторожно поднял руку и смахнул со лба крупные капли пота.

— Это правда?
— Правда, правда. — Она изогнулась и посмотрела ему в глаза. — Только одного не пойму: зачем ты это для нее?..

— Тебе, может, и правда не понять. — Вадим попробовал отвести взгляд, но с нарастающим ужасом понял, что не может. — Я люблю ее и жизни ей хочу. Счастья...

— Жизни? — Она перевернулась на живот и опустила руку ниже. Яркие губы кровожадно сложились в улыбку. — Зачем жизни? Поздно, Вадик, поздно... мертвым жизни не желают. Ни к чему она им, а вот сила твоя мне ох как нужна...

Она на секунду замерла, бросив осторожный взгляд в сторону окна, возле которого темным пятном возвышалось ложе, и вновь приблизилась к Вадиму, лаская его нежно и умело.

— Забудь...
Последних слов Вадим уже не слышал, в очередной раз проваливаясь в бездонные зловещие омуты ее глаз.

Люди говорят, разлучила она их, увела мужика да семью развалила. Но люди еще и не то говорят. Что верно, то верно — разлука там была, ушел мужик к другой, да вот только зачем, не знал никто. До поры. А кто сейчас знает — молчит. Я один не молчу.

Иришке, конечно, непросто в это время было. Красота женская — она ведь штука прихотливая, за ней глаз нужен и рука мужская, покрепче, чтобы было ей на что опереться, как яблоньке под ветром, да дальше цвести... Так вот, не стало в ту пору у Иры твердой опоры. В нелюдимую в один миг превратилась, обаяние да красоту по углам растеряла, словно в воду опущенная ходила, глаз ясных не поднимала. Словно душу из нее вытрясли. Так, заходила изредка к подругам, к Любе и... Светлане. Это еще больше удивляло. Люди шушукаться стали, сочинять разное, толковать о странном...

Задуматься бы тогда обоим супругам — глядишь, и сохранили бы все... Уберегли.
Герой в нашем понимании кто? Иван-царевич, глаза чистые, сердце большое, меч острый да конь верный. Он в путь отправится, зло одолеет и что спасет? А что в наших сказках чаще всего воруют-то? Правильно, жен. Другими словами, любовь воруют. Вот он, значит, в пути, зло одолел, любовь вернул. Сильно, красиво, благородно, доступно, а главное — понятно всем и объяснимо. А возьми Иван да сделай то, чего добрые люди с нахрапу не поймут, так все тут же пальчиками-то у виска начнут крутить, разговоры говорить станут разные. Про него да про любовь его...

Ну да со стороны каждый профессор. Дай бог нам не после подобного в ситуации разобраться, нужную дорожку сыскать, а вовремя да уберечься от чего надо... Ребята вот не смогли.

А ведь сказал Николай ему — беги да жену с собой хватай. Не справиться тебе, сил не хватит, беги, бегите оба. И сказать-то силы нашел, несмотря на болезнь свою злую... Не то поздно будет, говорил. Не побежали. Сел Вадик на своего коня и по-другому решил — не бегством, не умел он бегать. Ни в армии, ни дома...

— Я больше не могу, сестра!
Она неслышно подошла и остановилась за спиной, осторожно положив руки на его

худые плечи. Света в комнате не было, но горевшие во дворе фонари освещали все как днем.

— Хватит собак и крыс! Пора начать игру!

— Да, солнышко мое, он уже готов...

— А она?!

Светлана опустила глаза в пол и убрала руки с его плеч.

— Она слаба... Не подходит. Ошиблись мы, видно...

— Забирай!

Светлана вновь прикоснулась к его плечу.

— Жаль, что так с Максимом...

— По большей части он виноват сам.

— Про друзей так нельзя. Особенно про мертвых... — Светлана закусила губу, но быстро справилась с собой. — Завтра.

— У меня нехорошее предчувствие, — он поднял руку, пальцами прикасаясь к ее пальцам, — но ждать больше нельзя...

Она молча кивнула за его спиной.

— Тебе привести его?

Антон помолчал, пристально разглядывая ночной двор.

— Наконец-то... Нет, — он словно очнулся от транса, — просто подготовь обряд. Я сам найду его.

— Как скажешь, брат...

— А сегодня я хочу просто полетать.

Она отпустила его пальцы, отступая в полумрак.

А дальше, в общем-то, и все. Да нет, расскажу, конечно... Просто там дальше день-другой, потом пожар этот, а затем Ирину-то с Вадиком и нашли... По порядку? Ладно.

Пожар, значит? Да, было. А, помните? Нуда, тот самый. А что горела квартира Светланина, никого, в общем, и не удивило. Вот так.

Ясным днем, время к полудню — полыхнуло, а заметили не сразу. Машины, сирены, а этаж-то далеко не первый. Хоть на другие квартиры не перекинулось, потушили. Только вот от Светланиной ничегошеньки не осталось, как еще самой дома не было, а то бы и погореть могла. А причину так и не дознали. Хотя говорят как один — подожгли ее квартиру. И чуть ли не изнутри. Ну, теперь-то многим ясно, а тогда...

А после, через день, и наших молодых нашли. Прямо у себя Дома, рядышком на кровати. Лежат и не дышат. Вот так вот. Ну, тут началось! Новые трагедии, новые слезы. Родители в трауре, друзья за головы хватаются, все происшедшее за последний месяц вспоминают, себя винят. Светлана плакала неделю напролет, а после к родным в Красноярск уехала. Наверное, только доблестные милиционеры не сильно расстроились, смерти в статистику занесли, пожар расследовать начали да посетовали, что очередной свидетель пропал. Вадик, значит...

Ах, да... Он же свидетелем проходил по очередному делу, по новому, значит, что опять с Колей оказалось связано. Вот менты и расстроились — теперь все концы точно в воду. Конечно, конечно, простите дурака. Сейчас расскажу. Чуть не запямятовал.

Дело-то, в общем, невеликое, но только для тех, кто не знает ничего. Николай сбежать умудрился ведь. Буквально дней за пять до пожара. Как из камеры-одиночки сумел исчезнуть, да еще со сломанной рукой, опера только за головы хватались. Буквально без следа. А версия пошла, что родичи Максимовы в органах связи свои имели — кого надо отодвинули, кого купили, приехали, парня забрали, подале увезли и свой суд учинили. Но так только говорят...

Вы знаете, в ночевке на детской площадке под шуршащими ветвями, полными набухающих почек, есть и свои преимущества. Скажем, когда два человека встречаются и разговаривают подле соседнего дома, ты все отлично слышишь. И не беда, если не все понимаешь...

В ту ночь Вадик от Светланы домой возвращался. Пьяный, как всегда, — девка его, говорили, прямо спаивает. Идет, покачивается, под нос чего-то бухтит. И вот возле пятого подъезда его Николай и ждал.

Вадик прямо как вкопанный остановился. А Николай из темноты вывалился — сам едва на ногах стоит — и чуть ли не на колени перед другом упал. Вадик к нему — ты чего да как? А тот одно твердит: беги, мол, братишка, да как можно скорее, и про жену не забывай, она, мол, единственное твое спасение. И вдруг как вцепится Вадик в глотку!

Отдай, кричит, и с жены сорви! Тут Вадик его отпихнул да дальше побрел. А Николай постоял немного, другу в спину за цепочку извинился, попрощался и в ночь канул. И все бы ничего, да вот только... Николай странно одет был тогда.

То есть голый он был. Совершенно. Вот так и было, я вам скажу. И это я своими глазами видел, как сейчас вас вижу, а за воротник я в тот вечер не закладывал. Вот так...

И вот, значит, Коля-то сбежал, а милиция первым делом к кому? Правильно — к лучшему другу, как всегда. А тот и вправду ничего не знает. Да только они все равно расстроились, когда Вадик...

А причину смерти Вадима с Ирой так и не обнаружили. Официально. Вы вот скажите, примут в органах правопорядка версию о том, что кто-то кого-то взял и проклял, а тот взял и помер? Вот и здесь ничего не установили. Сердца у них, врач сказал, остановились. Что удивительно — одновременно почти. Скорее всего отравление. Наглotalись чего, да и прилегли на кровать. Прямо Ромео и Джульета, так и сказал...

А менты как в затылках чесали, так чесать и продолжают. А вы хотите верьте, хотите нет.

Знаете, что у Николая при обыске еще нашли? Машинку для отливки пуль. Не поняли?

Дело о смерти Максима в Москву отправили. Уж больно там у него много неясных вопросов появилось. То с зубами чего-то не сошлось, ну, чтоб личность установить, то извлеченные из тела жаканы, пули убойные, вдруг странными оказались. Как? А вот так — серебряными!

И тут бах тебе — главный подозреваемый сбежал, да при этом эффектнее всяких Гудини да Копперфильдов, вместе взятых. Как сквозь стену.

Свидетели помирают. Квартира главной обвинительницы сгорела. Вот такие дела...

Ладно, надо вам еще кое-что рассказать, чтоб понялось...

Светка, практически сразу после свадьбы, пару-то счастливую все-таки разбила, в этом люди правы были. Да вот только правда та многогранна. Вы думаете, Светлана мужика Иркиного соблазнила, захомотала да увела? Хе-хе... Много разного на свете бывает, и почему подобному было не произойти у нас, на Шлюзе? Светлана пару разбила, вот только увела она... жену.

Нет, я сейчас не об однополой любви говорю, хотя чего уж там скрывать, и это тоже было. Я о расколе говорю, о похищении самого человека, души его. Вот скажите, есть добро, есть зло. Добро как делается? Задумался — сделал, молодец! Зло, по сути, так же. Но есть люди, кто добро просто так творит, не задумываясь, сердцем. Так ведь и со злом — то же самое... Вот и обвиняй после этого.

Украла Светлана жену Вадимову, нагло и решительно. Все равно люди ничего не поняли. Душу ее прибрала, телом пользовалась... да в сокровенное посвящала.

Ох, чуть не забыл... Вот дурень. Знаете, что интересного у Светланы в квартире после пожара нашли? Одна комната как комната, жилая, мебель там разная, а другая пустая почти — один старый шкаф и... в общем, на полу там знаки были нарисованы. Разные-всякие. Да и нарисованы всяким, а то и кровью.

Пожарные предположили сначала, что от одной из свечей, что в этой комнате полным-полно было, все и загорелось, да только чему там гореть-то? А окно, что снаружи казалось жалюзи занавешено, заколочено было, только форточку не стали заделывать. Такая вот странная комнатка. Вот там Ирина большую часть времени и провела. А чем они там занимались, это уж как бы... Да и Люба с ними была... До поры до времени, пока Светка от

Иры слишком многого не потребовала.

А теперь вот смекните. Вадик как все понял, так прямо взвыл. Сел, как говорится, на коня да любовь выручать поехал.

Правда своя у каждого, и человекам учить друг друга жизни — что птицам с рыбами говорить начать. Кто обвинит, кто посмеется, кто похвалит... Подчас дороги, которыми мы идем к достижению наших целей, посторонним кажутся странными, неправильными и просто опасными. Да вот только победителей не судят, а за любовь на Земле еще и не такие безумства совершались.

Решил Вадим свою любовь вернуть, да и отдал себя Светлане как выкуп за душу женину. Вот тебе и острый меч. Не знал он только, что неспроста все это, да на ловушки внимания не обращал. Светка своего дождалась, на девочке-то поводок ослабила, а мужика подгрести. Вот тебе и все...

На чужбине выросшая, Светлана не просто в школах училась да с отцом по дипломатическим приемам ходила. Она была там, куда может позвать только нечто необъяснимое. И оно звало ее, учило, наполняло... Румыния, Венгрия, Австрия, места, куда не добраться и на автомобиле, — везде побывала Светлана со своим братом, отпущенные щедрым родителем в увлекательные пешие походы. И немалому научилась. А после задул ветер...

И провалился Вадик туда, откуда свою любовь вызволить пытался. И отнюдь не пьяный приходил домой по ночам, где Ира лелеяла его, любимого, несмотря на косые взгляды и прямые обвинения. Берегла и, как могла, любила. А поутру он снова уходил...

Николай, видать, первый все понял. Скумекал. В омуте не купаясь, сухим остаешься, вот он и наблюдал. А как понял, что именно его сестренку в лесу на ленточки порезало, так за дело и принялся.

Бывает так: колосится себе поле цветами красоты невиданной, да налетит ветер, принесет семян чужих. Семена те разрастутся, вширь пойдут — и давай цветы душить. И чаще семечко сорняковое не одно прилетает, сразу горсть. Вот и эти тоже вместе были. Разные, конечно, но все равно одной масти...

Всякое бывает на свете, я так скажу, и Шлюз наш — далеко не самое последнее место, чтобы произойти такому. Почему? Есть причина. Меня в свое время верно учили, что жизнь все время по законам строится, Бога или Природы, а кто против них пойдет, рано или поздно это осознает. Испокон веку предки наши закон Солнца знали. Жили по нему, все делали — что чашу передавали, что хороводы водили, что за спину оборачивались. Посолонь жили с Солнцем, со Светом в дружбе состояли. Особое внимание хороводу уделяли — сколько душ в момент пляски по Закону Солнца ходят, возносят ему хвалу. А тут?

Прямо сейчас сходите на наше шлюзовское автобусное Кольцо. Остановитесь, посмотрите внимательно, а затем подумайте, если поймете, на что смотреть. Я, конечно, понимаю — законы государственные не всегда с законами природными совпадают, а подчас до последних им и вовсе дела нет. Правила дороги построены в соответствии принципам гуманизма и сбережения человеческих жизней... да вот только чего глазу не видно, подчас к гораздо худшим последствиям привести может.

Машина за машиной, автобус за автобусом... Вот сколько человек в автобусе? Сто, триста? А в набитом? Тысячи человек. День за днем, с раннего утра до позднего вечера, проходят на этом месте полный круг... противосолонь! Узнай о таком предки наши — не жить нам тут. Зачем Землю пачкать житьем таким?

Вот вам и Шлюз. Против Солнца. Но никто не задумывается. А даже если и задумается... то что? Вот вам и законы. Так почему бы в эту подготовленную почву злым семенам не упасть? Вот, видать, и упали...

Что еще сказать? Вот и поселились здесь те, кого только при свете дня по именам называть можно. Вот и не верь после этого. Казалось бы, сказка глупая, про нежить какую-то, про ведьм. А вы думали, на машину сел человек, на самолете полетел, на ракете по планетам скачет — и все, нет больше рядом тех, кто от создания мира за плечом у него

ходит? Хе-хе...

Максима все-таки Николай убил, это точно. Об этом сейчас все говорят, словно так и знали: всегда он убийцей был и только случая ждал. А особо ретивые на него еще и сестренкину гибель вешают: урод, мол, и псих полный этот ваш Коля. Да и вообще все они уроды, компания эта. Раз один за другим перемерли...

А кто правду знает — тот молчит.

— Как догадался-то?..

Как ни готовился Николай к прилетевшему из темноты вопросу, тот прозвучал для него совершенно неожиданно. Парень вздрогнул, едва не отскочив, и обернулся, сунув руку за пазуху.

Максим медленно отлепился от подъездной стены, постепенно проявляясь в слабом, долетающем от детского садика свете. В ночной тишине гулко бухало сердце Николая. Макс улыбнулся и сделал к нему еще пару шагов.

— Не подходи, тварь... — просипел Николай, пригибаясь, словно для броска.

— Да я и не думаю. — Макс остановился, лениво откинул назад волосы, и Николай в очередной раз ужаснулся невероятной грации и пластике его нечеловеческих мышц. — Если не хочешь, конечно, не отвечай. Глядишь — может, сам смекну...

Николай попятился. Максим развел руками:

— Убегать? Ну, ты чего? Не для того, полагаю, ты меня искал, чтобы убечь? Так выкладывай, с чем пришел...

Левой рукой Максим выдернул из кармана целлофановый — пакет, а правой невероятно быстро расстегнул «молнию» ветровки. Жужжание «молнии» отбросило Николая еще на несколько шагов назад, а в его руках блеснули стволы обреза.

— Сдохнешь ты сегодня, гад! — выплюнул он. — Вот зачем!

Максим неодобрительно покачал головой, убирая куртку в пакет.

— Вид голого мужчины тебя не сильно смутит? В наше время приходится быть бережливым и осторожным, — поучительно произнес он, расстегивая рубашку.

Николай вскинул обрез, целясь в голову. Макс улыбнулся и отвел взгляд, возясь с пуговицами.

— Еще пара минут, и я так и не узнаю, как ты догадался, башковитый... — Рубаха тоже отправилась в пакет. — А ведь прохладно, не находишь?

Николай дрожащим пальцем взвел курки. Максим расстегнул ширинку.

— Ты что, дурачок, на самом деле не понял? — Он скинул кроссовки и быстро стянул штаны вместе с плавками. — Беги, дурень, последний шанс даю. Ты, видать, не за того меня принимаешь... Что я тебе — маньяк какой-нибудь, что ли? Беги... — добавил он более низким голосом, засовывая джинсы в пакет.

Николай почувствовал, как его начинает бить дрожь, и обеими руками стиснул ружье, не спуская голого парня с прицела. Макс вдруг запрокинул голову, его повело, словно схватила судорога, и он вскинул скрюченные пальцы к лицу.

— Теперь понял? — Максим опустил лицо, и Коля взглянул в багрово-красные, отражающие луну зрачки.

Зверь улыбнулся, проведя языком по клыкам.

— А ты, сука, понял?! — неожиданно для себя прошипел Николай. — Ты если такой умный, в стволы загляни!

Максим, тело которого теперь менялось прямо на глазах, вдруг замер, пристально глядя на обрез. Затем пронзительно взвизгнул, клацнув клыками, и мгновенно исчез в темноте.

Коля нажал на левый спуск. Обрез выплюнул пулю, и подъездную площадку окутало облако дыма. Николай бросился бежать, лихорадочно оглядываясь по сторонам, запинаясь о бордюры и путаясь в кустах. Голос Максима, искаженный до неузнаваемости, бежал наперегонки с ним, прилетая со всех сторон:

— Убить меня захотел?! Беги, человек, беги!

Огромный собачий силуэт мелькал то здесь, то там, и Николай заметался, во все стороны размахивая обрезом. По его лицу катились слезы, перемешиваясь с ледяным потом. За спиной когти заскребли асфальт, тяжелое горячее дыхание обожгло затылок, и Николай стремительно обернулся, левой рукой закрывая голову, а с правой выпуская последний заряд в подкатившуюся смертельную темноту.

Выстрел прогремел оглушительно, парня отбросило отдачей, все снова окутало дымом, а затем раздались два крика — полный боли вопль Николая и дикий рев подстреленного зверя, в агонии пытающегося лапами разодрать себе живот и достать пулю.

Николай вскочил, прижимая изодранную руку к груди, и машинально вскинул разряженное оружие, огромными от ужаса глазами вглядываясь в катающегося при смерти огромного волка.

Через пару минут зверь замер, широко раскинув метровые лапы в луже черной крови. Николай посмотрел вниз, на собственную кровь, заливающую штаны, и опустил обрез. Волк еще раз дернулся и неожиданно начал меняться.

Заткнув ружье за пояс, Николай ухватил Максима за ледяную лодыжку и с трудом потянул в темноту.

Вот жалеете вы парня, Макса-то. Пузо из обреза издырявили, а после еще и надругались — сожгли труп, значит. Человека вам жалко, получается, парня молодого, крепкого и красивого. А что бы вы сказали, если бы Максим не совсем человеком был? Говорите, и котенка жалко? Верно... Только вот у котенка нет злобы такой, чтобы по ночам лунным людей резать да по кусочкам поедать. А ведь тем вечером Наталья не одна из Академгородка возвращалась. С парнем со своим, с любимым, в котором души не чаяла... Так вот и было. А люди до сих пор озираются, через лес только компаниями ходят.

Вот услышишь вещи такие, только призадуматься и остается. Да вы сюда сядьте, тут нагрело солнышком, тепло, а я вот здесь... Ага. Так почти все и рассказал уже. Ну, еще последнее, пожалуй.

История-то наша про любовь была, про молодых, значит, которых при всех наветах всем Шлюзом оплакивали и жалели. Померли, получается, наши любящие друг друга, вместе, как в сказках. Сердца у них, мол, остановились...

Сейчас уже говорить можно, не вернется баба-то, а первое время все как один крестились да отмалчивались. Светка их... сгубила. Тут сказать «убила» язык не повернется. Сгубила, и все тут. Отняла души, словно кости из тела выдернула, вот и обмякли молодые, жизнь потеряли. И я вам так скажу: дай-то бог им сейчас, после смерти, души свои обрести, чтобы на том свете успокоения найти да мира, а то ведь еще и не так бывает...

Ох ты, черт, прости меня, господи... Что ж я вам про подарок-то ведьмин не дорассказал? На свадьбу-то Светка молодым подарки сделала, это я говорил. Только вот что за подарки... Я вот думаю, не произойди того — и не было бы на Шлюзе столько бед. Хотя... как тут не произойти, когда ими все просчитано до последнего хода было? А спасибо и поклон до земли Николаю, что помешать хоть как-то смог. Да вот только не хуже ли сделал...

Что? Смерти их? Да, конечно, нужны были. Я так скажу — Светка потому молодых приговорила, что что-то ее из себя вывело. Прямо напрочь. Иначе она бы на такое не пошла. Квартира-то? Не-ет, это не Вадик был, точно. Люди говорят, помог им кто-то. Он же и ведьму на отчаянный шаг толкнул. Вот и кумекай теперь, хуже этот некто сделал, что молодых чужими руками умертвил, или освободил-таки их, избавил от мучений, существование совместное, небрежное обеспечил. Где тут добро, скажите?

Подарок? Ах да... Подарила Светлана молодым на свадьбу амулеты. На шнурках, простенькие такие, но сразу видно — старые вещицы, не один десяток лет этим деревяшкам. Сами незамысловатые, одинаковые — деревья темного, отполированные словно на станке. Только вот не так на станке полировка выглядит, так только кожей да одеждой натереть за долгие годы можно. И еще я вам вот что скажу: подобное кто наденет, тот, считай, пропал.

Уже самому не снять. Вот и наши недели. Светкин замысел был. Сработал. Так рабство и началось...

Да только и Светлана-то не о зле думала. Она сначала Иру, а следом и Вадима не просто мучила, на цепи держала — учила она их. Что сама знала, чему ее учили. Зачем? Наверное, не должны эти знания пропасть, вот и искала учеников. А как произошло что-то для нее страшное, так и убила обоих. Может, из мести...

После того, как на четвертый звонок никто не ответил, он быстро опустился на одно колено, вынимая из нагрудного кармана набор тоненьких отмычек. Бросил быстрый взгляд на лестницу, прислушался к гудению лифтовых моторов и принялся за работу.

Отодвинуть язычок, осторожно, придерживая только что смазанные петли, открыть дверь, бесшумной тенью проскользнуть внутрь, опуская на пол десятилитровую канистру.

Коридор, вешалка для одежды, шкаф для обуви. Зеркала нет. Привычным движением оттянул затвор пистолета, сделал шаг в квартиру и кончиками пальцев приоткрыл дверь в маленькую комнату. Мебель, вещи — никого.

Два шага на кухню, разглядывая логово через прицельную планку. Ванная, туалет. Все как у людей.

Зал. Большая комната, запах воска, благовоний и чего-то приторно-сладкого.

Дверь, отлично смазанная, открылась практически без скрипа, бросая в темную комнату полосу ослепительно-белого света.

Наступая на собственную тень, мужчина вошел и остановился за внешним кругом, внимательно разглядывая начерченную на линолеуме пентаграмму. Оплывшие свечи, курильницы. Мебели нет, нет даже люстры, только у заколоченного окна на двух табуретах — то, что и искал мужчина. Но мебелью это назвать сложно.

Он спрятал пистолет в кобуру и подошел к окну, остановившись у изголовья гроба.

Антон вздрогнул, ощутив чужое присутствие, но не проснулся. Мужчина решительно кивнул и расстегнул куртку.

Уже после того, как из поясной сумки был извлечен кол, а проникший в дом навинчивал на киянку набалдашник, Антон открыл глаза. Даже не попытавшись пошевелиться, он тихо спросил:

— Это ты?

Мужчина бросил на гроб быстрый взгляд и продолжил работу.

— Ты подловил меня в самый неудачный момент. — Речь Антона была вялой и сонной. Стараясь не закрывать глаз, он внимательно прислушивался к происходящему.

— Я просто успел вовремя. — Мужчина закрепил молоток и поднялся с колен. — Где твоя сестра?

Антон осторожно улыбнулся.

— Я все равно найду ее. — Человек с пистолетом и молотом равнодушно пожал плечами.

Антон тяжело вздохнул:

— Ребят уже не спасти. Они полностью в ее власти...

Мужчина замер, всматриваясь в лежащего и оценивая сказанное.

— Вы не закончили обряд, — словно зачитав приговор, отрезал человек с умениями взломщика.

— Не важно, — в свою очередь Антон едва заметно пожал плечами, — но на этот раз ты ошибаешься — мы не собирались их убивать. Светлана учила их. Многому, поверь. Она открыла им правду...

Взломщик не ответил, но внезапно отошел от гроба и принялся внимательно изучать расположение расставленных на полу свечей. Кивнул, пожевал губу. Кивнул еще раз.

— Мне все равно. — Он вернулся, встал над Антоном с занесенным колом.

— Ты совершаешь ошибку, охотник. Теперь молодым точно не выжить...

Тот, кого называли охотником, помедлил, но через мгновение приставил заточенный

конец кола к сердцу Антона.

— Мне страшно даже представить, что бы произошло, приди я на пару дней позже. Хотя... дружка вашего убрал не я.

— Не тронь сестру! Пощади, она же не со зла... — Антон изо всех сил боролся с накатывающим сном. — Отпусти... Она... она полюбила его, клянусь тебе! Не желала она любовь разлучать, ну пойми...

Охотник еще раз внимательно посмотрел на него и вместо ответа резко ударил по колу молотком.

— Ее единственный шанс выжить — это прямо сейчас бежать отсюда как можно дальше, вампир...

Только с тех пор опять Шлюз тихим стал. Померло много народу, это верно, царствие им почти всем небесное.

Светлана сгинула, брат ее тоже с концом, Вадим и Ирина... не знаю я, где сейчас души их, не знаю... Николая не нашли, и слава богу. Просто так не сбегает из одиночных камер, да еще голые — подрал его тогда Максим-то, в драке, вот теперь и Николай тоже... Люди двери трижды запирают, по ночам не ходят, парни до сих пор за друзей и подруг горькую пьют...

А на Шлюзе у нас, аккурат после всей этой чертовщины, церковь строить начали. Неспроста, значит. Знаете где? На аллее, в самом начале. Не видали? Так сходите, проверьте — сейчас недостроенная еще. Ровно после всего этого первый камень и заложили. Всем районом Шлюза деньги вкладывают, всем Шлюзом строят. Вот так вот...

Такая вот история моя. Что поугубил слегка — простите, правда — она часто такая, страшная. Может, где напутал чего, может, недосказал — это бывает, но чтоб соврал... Поживешь на улице — еще не такое увидишь.

Ох, спасибо, да ладно, ладно, что вы... Ох, не знаю, как благодарить вас. Спасибо еще раз, мне этого на неделю кормиться хватит. Только я ведь историю эту не ради денег рассказал, хочу, чтобы не умерла она. Грустная, правда, но любовь настоящая редко веселой бывает, я так скажу. Глядишь, и вы ее кому расскажете, так и не умрет. Правильно это, по законам...

Ну да ладно, пойду я, пожалуй, поем чего... Что? Откуда знаю все это? Я же говорю — поживете с мое, посмотрите, послушаете, глядишь, и вам правда откроется. Нужно только оказаться в нужное время в нужном месте. Этому, я вам так скажу, я в свои триста четырнадцать... Что? Говорю, хорошо я этому в свои четырнадцать лет обучился.

А сейчас до свидания. Я улыбнусь и исчезну за тем углом. Теперь люди знают, как было дело, и мне пора. Может, еще свидимся...